

ПРОБЛЕМЫ СОБСТВЕННОСТИ И УПРАВЛЕНИЯ

УДК 338.24.01+330.111.62+351.711

РЕВОЛЮЦИЯ УПРАВЛЯЮЩИХ В РОССИИ

Н.В. Костюкович

Тверской государственный университет, г. Тверь
Кафедра экономической теории

Переход экономической власти от собственников к слою управляющих в России требует поддержки научного сообщества. Традиционная активность нашего государства в сфере имущественных отношений должна быть трансформирована в экономически и социально эффективную систему управления государственным имуществом на глубокой научной основе. Выход отечественной экономической теории на новый уровень возможен на базе использования классической методологии, нацеленной на исследование сущности экономических явлений.

Ключевые слова: революция управляющих, имущественные отношения, экономическая теория, классическая методология, собственность

THE REVOLUTION OF MANAGERS IN RUSSIA

N. V. Kostyukovich

Tver State University
The economics department

In Russia the transition of economic power from owners to the group of managers requires the support of scientific community. The traditional activity of our government in controlling privity should be transformed into an effective economic and social system regulating the government property on the comprehensive scientific basis. It is possible to transfer Russian economics to the new level on the basis of classic methodology aimed at the investigation of economic phenomena essence.

Key words: the revolution of managers, privity, economics, classical methodology, ownership.

Экономический кризис 2008-2009 гг. дал новые основания для критического взгляда на российскую экономику. При огромных ресурсах (природных, трудовых, финансовых) страна оказалась не в состоянии поддерживать устойчивый экономический рост, приблизиться к жизненным стандартам развитых стран. Стало еще

очевиднее, что эффективность управления ресурсным потенциалом остается в нашей стране крайне низкой, и требуются кардинальные, *революционные* изменения в системе управления.

В этой связи стоит обратить внимание на скачок в развитии управленческих отношений, который в XX веке совершили передовые страны – так называемую *революцию управляющих*. По сути, она представляет переход экономической власти от класса собственников к субъектам управления, действующим в двойственной системе отношений: по вертикали – в рамках централизованно управляемых программ, по горизонтали – взаимодействующих на рынке с подобными себе.

Обратим внимание на основные моменты, характеризующие этот переходный процесс, а затем рассмотрим его особенности в нашей стране. В принципе, он неизбежен по двум основаниям. Первое – это концентрация собственности, достигшая такого уровня, когда собственник (корпорация, ставшая основной формой хозяйственной организации, государство, муниципалитет, а возможно и физическое лицо, обладающее миллиардным состоянием) не в состоянии непосредственно оперировать принадлежащим ему массивом ресурсов без помощи наемной армии управленцев. Второе – завершение индустриализации и переход экономики к новой, информационной фазе развития. Насыщение информацией продуктов и факторов производства стало одним из важнейших требований к участникам хозяйственной деятельности. Это невозможно без привлечения массы людей к выполнению управленческих функций и реального контроля этой массы над собственностью.

В условиях развитой рыночной системы это достигается естественным и более спокойным образом: механизм рынка стимулирует движение ресурсов, а значит и власти к тем субъектам, которые могут обеспечить более высокую экономическую эффективность. Нерыночная среда или неразвитый рынок замедляют такое движение, одновременно провоцируя управленцев к активному участию в либерализации экономики.

В советской экономике слабые «ростки» либерализации появились в 50-е годы («хрущевская оттепель») и заметно усилились в результате реформы 1965 года, закрепившей перевод предприятий на хозяйственный расчет. Несмотря на контрреформы, проводившиеся в последующие годы, тенденция к ослаблению административно-командных отношений продолжала действовать. Фактически это был *начальный этап революции управляющих в нашей стране*, когда управленческие отношения и структуры обрели самостоятельное значение по отношению к собственности.

Стоит обратить внимание, что особенность революции управляющих как эпохального скачка в социально-экономических отношениях – в «бархатных» формах преодоления конфликтов интересов. Собственники, будь то физические или юридические лица, либо публичные институты, передают ресурсы и власть управляющим сами, поскольку не могут поступить иначе. Этот процесс передачи идет постепенно, растягиваясь на многие десятилетия.

Многие века институт собственности функционировал в качестве общественной нормы присвоения, поддерживающей равновесие индивидуальных свобод и общественного порядка. Собственность выступала основным производственным отношением. Её формой определялись цели, характер соединения факторов производства, эффективность их использования.

Постепенно, однако, асоциальные формы присвоения (рабовладение, феодализм) оказались вне рамок общественных норм. Все труднее становится обнаружить прямую зависимость социальной и экономической эффективности от той или иной формы собственности. Результативность работы предприятий стала определяться в большей мере их трудовым потенциалом, качеством управления, степенью вовлеченности работников в управление, способностью к инновациям, нежели собственностью [1, с. 48].

В наше время, похоже, собственность становится морально устаревшим инструментом упорядочения экономических отношений. Углубляется и превращается в антагонизм противоречие между социальным паразитизмом, порождаемым собственностью, и развивающимся рыночным рационализмом. Жесткие, административно закрепляемые границы, делящие экономику между собственниками, превращаются в анахронизм, мешающий общественному прогрессу.

Для самих собственников обладание имуществом все более вырождается из преимущества в обременение. Собственность в наше время все активнее облагается налогами, требует регистрации, защиты, сопряжена с растущими издержками. Все чаще от нее стремятся избавиться или она оказывается вне контроля собственника. Государства от практики национализации перешли к приватизации своего имущества. Другие обладатели наиболее важных и ценных объектов – корпорации – соревнуются в аутсорсинге – передаче бизнес-функций и ответственности [5, с. 78], по сути, в передаче своей собственности самостоятельным организациям. При этом все больше оказывается объектов – земель, недвижимости, предприятий, которые отношения собственности не позволяют эффективно использовать, и которые, как собственность, никому не нужны!

Экономическая конкуренция, в былые времена представлявшая ожесточенную борьбу за собственность, свелась к краткосрочным финансовым спекуляциям, единственной целью которых выступает

самая абстрактная форма имущества – деньги. Один из важнейших факторов ценности того или иного объекта в наше время (скоро, возможно, это будет важнейший фактор) становится ликвидность, т.е. способность обратить его в деньги, иначе говоря, за деньги избавиться от этого объекта. Собственность на конкретный объект, подобно деньгам, становится мимолетной. В таких условиях движение против революции управляющих, в принципе, не может быть сильным, и победа этой революции неизбежна.

Парадоксально, но гораздо более острой может оказаться борьба в мире идей. Дело в том, что с момента становления экономической теории ее питательной средой служили воззрения по поводу различных форм собственности, из которых сформирована большая часть научного капитала в экономической сфере. До сих пор во всем мире десятки тысяч умов, задействованных в экономико-теоретических исследованиях, ориентированы на выработку аргументов в пользу превосходства той или иной формы собственности. С античных времен общей платформой для них остается идея собственности как основы всего общественного порядка. Признание идеи собственности в качестве базовой все еще остается краеугольным положением не только экономической науки, но и ряда других общественных наук – правоведения, политологии и т.д.

Не принято замечать, что теперь важнее анализировать не собственность, а управленческие отношения и решения. Ведь утратившая практический смысл, но все еще ожесточенная полемика на темы национализации и приватизации охотно используется политиками для идеологических маневров, отвлекающих внимание население от неудач в хозяйственной сфере. Властными структурами фактически поддерживается культ собственности, служение которому превратило экономическую теорию в официальный оккультизм.

Учитывая огромное значение науки в современных условиях, такая ориентация, точнее – дезориентация фундаментальных исследований в области экономики – весьма существенный негативный момент. Наукообразные рассуждения, превозносящие собственность или ее конкретные виды (к примеру, интеллектуальную, на недвижимость или на деньги), транслируется через СМИ, профессионально внушается в процессе образования, выстроенного в соответствии с официально утвержденными стандартами, играют стержневую роль в манипулировании массовым сознанием. С их помощью оказывается влияние на поведение практически всех экономических субъектов, постоянно внушающее им стремление к наращиванию собственности в качестве высшей цели.

В России противодействие революции управляющих в сфере науки и СМИ сказывается сильнее, чем в других странах. Российское

общество более внушаемо, легче поддается «идеологической обработке». Для него привычна нацеленность на реализацию определенной идеи, свойственна готовность к движению по пути, указанному властями или авторитетными идеологами.

Имеется, однако, и серьезная экономическая подоплека сохраняющейся ориентации российской общественности на собственность. Как экономический институт, собственность в России длительное время подвергалась глубокой деформации. Право собственности физических и юридических лиц в отношении важнейших факторов хозяйственной деятельности – капитала, недвижимости, интеллектуальных ресурсов у нас было восстановлено только недавно. Это новая для нашей экономики институциональная конструкция стала раскрывать свой потенциал заново и позитивно воспринимается большей частью населения.

Нельзя не отметить еще одно важное обстоятельство, отличающее Россию от стран с высокоразвитой экономикой: управленческие отношения и структуры у нас развиты еще слабее, чем собственнические. Специфические управленческие достижения советского строя, нарабатывавшиеся на протяжении большей части XX века, были девальвированы при резком переходе к рынку. Госструктуры, составлявшие прежнюю, директивно-плановую народнохозяйственную систему, распались или были целенаправленно разрушены в начале 90-х годов. Вместо них образовалось множество новых организаций разных форм и размеров.

Этот процесс массового формирования новых управленческих структур практически совпал с крахом государства (и как собственника, и как системного организатора), а также с образованием новой, рыночной среды. В таких условиях он мог носить только хаотический характер и не предполагал нацеленности на достижение эффективности. Вполне естественны в этой связи негативные экономические показатели корпораций и российской экономики в целом, характерные для 90-х годов.

Особенно большие потери понесла экономика страны в результате так называемой «большой приватизации», иначе говоря, массового акционирования крупных предприятий, погубившего технологически передовую часть промышленности. Конкурентоспособность подавляющего большинства новых отечественных хозяйственных организаций легального сектора по сравнению с иностранными конкурентами оказалась крайне низкой. Выживание страны обеспечивалось в основном на основе сосредоточения ресурсов в теневой сфере.

Таким образом, своеобразный парадокс *второго этапа революции управляющих в нашей стране*, совпавшего с периодом рыночных преобразований, состоит в том, что собственность стала

вытесняться, главным образом, не нормальными, более эффективными, а теневыми формами управленческих отношений. Тем не менее, именно на этом этапе управленческие отношения стали обретать реальное содержание и вновь складываться в систему.

Конкретно речь идет о следующем. Содержание управленческих отношений состоит в целенаправленном воздействии субъектов на объекты, необходимым средством реализации которого является имущество – вещественный фактор человеческой деятельности. Иначе говоря, достигнуть реального, осязаемого результата управляющий может тогда, когда действительно управляет имуществом. В советской экономической системе управления имуществом как экономической функции не предполагалось вовсе. Возрождение этой функции у нас связано с рыночными преобразованиями, составляя, возможно, их наиболее глубокий, итоговый смысл.

Конечно, и в советской экономике было управление ресурсами, но оно осуществлялось в основном как механическое, техническое или административное действие. Директивный характер планирования требовал строгого выполнения всеми структурами управленческой иерархии определенных действий («команд»), не предполагал вариантности поведения людей как участников единого, централизованного хозяйства. В качестве специфического объекта управления имущество не выступало, составляя вместе с трудом единый фонд централизованно распределяемых ресурсов. Само понятие имущества тогда практически исчезло из экономического обихода.

В рыночных условиях труд человека как участника общественного хозяйственного процесса и имущество, которым он оперирует, выступают в качестве противоположных факторов. Человек оказывается в положении субъекта, наделенного свободой выбора варианта своих действий, на которого может быть возложена экономическая ответственность за результат использования имущества. Постепенно труд все большей части наемных работников включается в систему управленческих действий в качестве творческого процесса поиска оптимальных вариантов, «управления имуществом». Что же касается «физической» стороны труда, состоящей в выполнении человеком роли «говорящего орудия» или живого «придатка машины», то она все быстрее обесценивается современным рынком, утрачивая свое экономическое значение.

Эти тенденции обнаруживаются теперь и в нашей стране. Важно отметить, однако, что в сравнении с ведущими странами они стали развиваться у нас не только со значительным опозданием (которое во многом определяет нашу техническую, организационную и социально-экономическую отсталость), но и весьма специфично.

Бесхозяйственность, по сути – бесхозность имущества осталась массовым явлением во всех секторах отечественной экономики, несмотря на многократное увеличение слоя управленцев. Количество заброшенных земель, строений и другой недвижимости не только не сократилось, но и значительно выросло. Общая, макроэкономическая результативность разбухшей технотрактуры в рыночных условиях снизилась.

С микроэкономической точки зрения, общественные издержки рыночной трансформации оказались гораздо больше полученных от нее суммарных частных выгод. Рынок не стал эффективным механизмом вовлечения имущества в решение проблем инвестиций, сохранения сбережений населения, удовлетворения потребностей в жилье и др. Зато гипертрофированное развитие получила спекулятивная часть рыночного оборота. Соответственно, основной формой управления имуществом стала игровая практика.

В том, что развитие управления имуществом пошло у нас таким путем, была определенная логика. Спекулятивные игры с имуществом в последние десятилетия приобрели глобальный характер, и участие в них стало обязательным условием возвращения России в рыночную систему мирового хозяйства. Освоить искусство спекуляции (прежде всего – природными ресурсами), стране было необходимо и в связи с разрушением ее промышленной базы после «неосторожно» проведенной приватизации.

Однако, необычными, рекордными стали у нас темпы роста спекулятивной активности. В сферу профессиональных игр с имуществом (и что немаловажно - в ущерб другим формам деятельности) была вовлечена слишком большая часть экономически активного населения, особенно молодежи. Масштабы чистой спекуляции (не связанной с реализацией общественного продукта) в последние годы уже превосходят ВВП.

Еще в начале 90-х годов, резко ослабив контроль над внешнеэкономической деятельностью и валютой, Россия заявила себя в качестве участника глобального игрового процесса. При этом нашему государству пришлось принять правила игры, установленные ее наиболее сильными и опытными участниками. Фактически им, как собственником, было «поставлено на кон» и моментально «проиграно» ликвидное имущество страны, большая часть природных и капитальных ресурсов которой «ушла» на торгах по минимальным ценам.

Правда, в период с 2000 до середины 2008 года «фортуна» была на стороне российской экономики. Благодаря подъему цен на нефть, вызвавшему рост доходов от экспорта, ей удалось получить «выигрыш», который в пятнадцать раз (!) превысил ее «состояние» к началу данного «игрового» периода: в такой пропорции, судя по биржевым индексам, выросла рыночная стоимость ликвидного капитала

страны. При этом государству удалось вернуть себе часть стратегически значимых активов (контрольный пакет в «Газпроме», активы «ЮКОСа», «Сибнефть» и др.), накопить изрядные финансовые резервы. Однако к концу 2008 г., по биржевым котировкам капитала (индексу ММВБ), российская экономика снова «проиграла» более 80 процентов этого «выигрыша», отыграв, правда, более половины проигранного в 2009 и 2010 гг.

Общий «проигрыш» российской экономики за время ее участия в мировых играх с имуществом (с конца 1990 г., когда был запущен механизм биржевых спекуляций с валютой) составил, по мнению автора, около 50 процентов, а с учетом инфляционного обесценения основных валют, в которых выражаются текущие биржевые котировки – не менее 60 процентов. Такова оказалась наша «плата за обучение азам» управления имуществом.

Что же получила наша страна за такую плату? Об этом можно судить по результатам глобального «тестирования» национальных систем управления, в качестве которого выступил мировой экономический кризис.

По итогам за период с августа 2008 г. по июнь 2009 г. (острейший период финансового спада), динамика российского фондового рынка оказалась худшей среди всех «развивающихся» рынков. Гигантские масштабы принял отток капитала из страны – около 200 млрд. долл. только к концу 2008 г. Центробанку пришлось допустить более чем 30-процентную девальвацию рубля. На грани краха оказался банковский сектор, освоивший, как выяснилось, лишь примитивные формы спекуляции кредитными ресурсами. Резко сократились, «лопнули» многие нажитые спекулятивным путем личные состояния. После некоторой стабилизации финансового состояния в 2009 г., на следующий год (2010) из страны снова ушло «самотеком» еще около 20 млрд. долл. частного капитала.

Вслед за крахом финансового рынка страны в конце 2008 г. закономерно последовало резкое сокращение денежной массы, которому наш Центробанк, в отличие от центральных банков развитых стран, не оказал существенного противодействия. Далее, естественно, в соответствии с законом денежного обращения, у нас упал спрос на товарном рынке и уже в начале 2009 г. произошло обвальное падение промышленного производства и ВВП.

Таким образом, к «тестированию» оказались не готовы все звенья технотехники страны – и финансовые, и корпоративные, и государственные. Со сменой в России государственного капитализма на капитализм спекулятивный управление имуществом как особая, отличная от собственности система отношений, казалось бы, обрело

самостоятельное содержание, нацеленность на имущество, но на деле стало еще менее эффективным.

Чем объяснить, что становление эффективного управления имуществом в нашей стране растягивается на неопределенное время? Очевидно, неблагоприятными обстоятельствами, в которых протекает этот процесс. К негативным факторам объективного порядка, обнаружившимся у нас в условиях современной (открытой рыночной) экономики, в частности, следует отнести:

1) низкий уровень концентрации вложений в экономическую и социальную инфраструктуру, затрудняющий образование интеллектуальной ренты [2, с. 12]. Поскольку управление представляет собой интеллектуальную деятельность, незначительный размер указанного вида ренты в сравнении с природной рентой девальвирует роль управленческой деятельности в нашей стране;

2) повышенный инфляционный фон, фактически галопирующая инфляция, непредсказуемые резкие скачки которой затрудняют применение расчетов при выработке управленческих решений. Внутренний рынок в этой связи сохраняет высокую волатильность, благоприятствующую спекулятивной деятельности и примитивным формам управления имуществом;

3) отсутствие нормального рынка труда. Уровень зарплаты большинства работников в нашей стране таков, что они не в состоянии принять на себя ответственность за то имущество, которое им доверяется. Базис современной экономики, капиталистический способ производства переходит в таких условиях не в нормальную, адекватную зрелому состоянию форму социальной рыночной экономики, а в хронически болезненную, уродливую спекулятивно-криминальную форму;

4) неэффективность банковской системы, разобщенность финансового и реального секторов экономики. Из-за незрелости финансовых отношений затруднено использование инструментов экономического стимулирования, в управлении продолжают доминировать менее эффективные административные рычаги.

Действуют и субъективные факторы, оказывающие негативное влияние на управление имуществом в нашей стране:

1) практическое отсутствие массовой культуры управления имуществом, характерной для стран с развитой рыночной экономикой. Кажущиеся незначительными потери от элементарного бескультурья складываются в тотальную неконкурентоспособность страны, неэффективность труда, деятельности государства и бизнес структур;

2) экономическая политика государства, слабо учитывающая имущественные интересы страны. Этот фактор представлен рядом обстоятельств:

– сильное влияние на законодательство и политические решения, оказываемое монополистическими и олигополистическими структурами, реализующими интересы глобальных или национальных олигархических группировок [3, с. 11];

– сохранение ориентации в экономической политике и законотворчестве на продолжение радикальных рыночных преобразований, использование примитивных суждений и схем, потенциал которых был исчерпан еще к середине 90-х годов;

– теоретическая база иной, более эффективной политики, которая должна была бы быть и более широкой, и более глубокой, отсутствует. Индифферентное состояние теории, призванной освещать путь практике, в данном случае связано с невостребованностью реального научного знания его основным пользователем – управленческим госаппаратом, поскольку тот не ощущает никаких стимулов к повышению эффективности своей работы. В доходах государственных чиновников стимулирующая часть, которая должна была бы зависеть от реального результата их деятельности, практически отсутствует. Функцию дополнительного дохода для них принимает на себя «административная рента», иначе говоря, коррупционный доход, получение которого сопровождается, как правило, причинением ущерба имущественным интересам государства;

– как посредник между сферами науки и практики, система образования не предъявляет спрос на глубокие, теоретические представления об управлении имуществом. Управление имуществом не признано особой массовой специальностью, требующей профессиональной образовательной подготовки. Формирование кадрового состава органов по управлению государственным и муниципальным имуществом идет стихийно, вне системы госзаказа на специалистов. Лишь его небольшая часть периодически привлекается на краткосрочную, «инструктивную» учебу. Что касается систематического профессионального образования в данной сфере, то оно практически отсутствует.

Обратим внимание: если объективные факторы не поддаются непосредственному сознательному влиянию, то субъективные обстоятельства могут быть целенаправленно изменены. Как свидетельствует опыт целого ряда стран (КНР, Бразилии, Южной Кореи, Малайзии и др.) отставание от развитых стран в сфере культуры управления имуществом может быть преодолено, если производится оздоровление властного аппарата с применением новых научных идей и национальных традиций, подкрепляемое массовой подготовкой высокопрофессиональных специалистов. А вслед за формированием эффективного управленческого потенциала, технотруктуры начинается

стремительный рост прибыльности и капитализации, знаменующий способность экономики страны генерировать интеллектуальную ренту.

Какими возможностями обладает в этом плане Россия, и удастся ли подкрепить волевой настрой и антикоррупционную активность, пульсирующую на уровне высшего руководства нашего государства, основательными научными рекомендациями, соответствующими традиционному менталитету нашего общества? Очевидно, только время даст ответ на этот вопрос. Представляется, однако, что для России вполне естественным было бы соединение комплекса базовых положений экономической науки с традиционной устремленностью российской государственности к развитию имущественного потенциала страны.

Имущественный комплекс у нас издревле формировался при активнейшем участии государства, соотношение частной собственности и государства всегда было резко асимметричным в сторону последнего, представляя явную аномалию по отношению к экономике стран Запада, обычно принимаемой за образец. Как никакая другая, российская экономика зависит от эффективности управления государственным имуществом, повышение которой у нас является, по сути, важнейшим фактором экономического развития. Управляемость этим имуществом – уникальное качество нашей экономики, значение которого особенно велико в связи с революцией управляющих.

Не будем забывать также о революционном процессе, сопутствующем революции управляющих – переходе экономики и общества в совершенно новое, информационное состояние. Наука в целом уже превратилась в непосредственную производительную силу, но современная экономическая теория, в отличие от многих других отраслей научной деятельности, все еще не совершила прорыва, не формирует необходимого людям и хозяйственным организациям потока идей и решений, которые обеспечили бы скачок в эффективности использования экономических ресурсов. Заиклившись в рамках формальной логики и псевдо математизации, эта базовая часть экономической науки, определяющая идеологию социально-экономического развития, фактически вырождается в многословную преамбулу к маркетингу, бухгалтерскому учету и государственным финансам, общее описание и первичную систематизацию экономических феноменов.

На фоне застарелого глобального кризиса, переживаемого экономической теорией [4, с. 4], в России ситуация представляется более оптимистичной. В университетских и академических кругах сохраняется внимание классике. Обострение проблемы финансирования исследований усилило тяготение российской науки к анализу фундаментальных вопросов, в которых ее достижения и в прошлом были наиболее очевидны. В определенной мере это касается и

отечественной экономической школы, которая еще сохраняет потенциал, позволяющий исследовать закономерности хозяйственной жизни глубоко и всесторонне.

Такой потенциал в развитых странах уже в значительной мере утрачен в связи с длительным увлечением прагматичной неоклассикой, ориентированной на анализ поверхностных слоев рыночных отношений, а в развивающихся государствах, «пропустивших» соответствующий этап развития науки, он просто не мог сформироваться. Вопрос в том, чтобы понять, ценить и реализовать то преимущество, обладателем которого оказалась наша страна.

Какие выводы следуют из сказанного в данной статье? По мнению автора, они состоят в следующем:

1. Революция управляющих, как переход общественных отношений на качественно новый уровень, в специфических российских условиях требует особой поддержки со стороны научной общественности, создания экономико-теоретического фундамента государственной экономической политики нового типа. На глубокой научной основе традиционная активность нашего государства в сфере имущественных отношений должна быть преобразована в экономически и социально эффективную систему управления государственным имуществом.

2. Указанная проблема требует усиления роли экономической теории в познании возможных путей гармонизации имущественных отношений и участия государства в этом процессе. Имея в виду значение экономической сферы, необходимо, чтобы экономическая теория заняла ведущее место среди наук в исследовании отношений, связанных с управлением государственным имуществом. Законодательные и нормативные акты по вопросам, касающимся имущественных отношений, следует подвергать не только проверке на соответствие более значимым и ранее принятым актам, но и в первую очередь – экономико-теоретической экспертизе, в ходе которой, по сути, будут решаться и антикоррупционные задачи.

3. Сама экономическая теория должна выйти на новый уровень, обрести настоящую глубину, необходимую для выработки ответственных, общественно значимых рекомендаций, сформировать новые смысловые акценты, помогающие совместить абстрактные рассуждения с решением актуальных задач управления имуществом.

4. Укрепление теоретического фундамента управления имуществом, в котором управляющие, как новый ведущий общественный слой, должны доказать свою эффективность, может быть произведено за счет классической методологии исследования сущности экономических явлений и раскрытия наиболее общих закономерностей и тенденций развития общественного производства.

---

1. Букреев В.В., Рудык Э.Н. Государственная собственность в России (к 20-летию радикального реформирования) //Имущественные отношения в Российской Федерации. 2008. № 8. С. 46-59.

2. Костюкович Н.В. Рынок и государство в условиях перехода экономики в информационное состояние //Вестник Тверского государственного университета, 2005, № 5 (11). Серия «Экономика». Выпуск 1, 2005. С. 4-16.

3. Некипелов А.Д., Татаркин А.И., Попов Е.В. Современная экономическая теория: направления развития (по итогам II Всероссийского симпозиума по экономической теории) //Журнал экономической теории, 2006, № 3 (8). С. 5-23.

4. Петрищев В.А. Производственная деятельность и собственность: экономико-теоретические проблемы: Монография:- Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008.- 200 с.

5. Сайфиева С.Н., Быкадоров М.А. Теоретические основы и эволюция развития аутсорсинга //Журнал экономической теории, 2006, № 3 (8). С.77-91.

Об авторах:

КОСТЮКОВИЧ Николай Витальевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Тверского государственного университета, e-mail: *economteor@tversu.ru*.